

УДК 614.2

DOI: 10.25742/NRIPH.2021.04.014

ЭПИДЕМИИ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX ВЕКА

Панова Е.Л.¹

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация*

Ключевые слова:

история психиатрии, кликушество, мэнэрик, меряченье

Аннотация

В статье рассматривается опыт российских психиатров по изучению психопатических эпидемий, распространенных на территории Российской империи в конце XIX века. Особое внимание уделено описанию феномена кликушества Н.В. Краинским, а также истерических эпидемий мэнэрика и меряченья в Северо-Восточной Сибири, исследованных в работах А.А. Токарского, С.И. Мицкевича, Н.И. Кашина и других. Эти расстройства объединялись рядом схожих признаков: они были свойственны только крестьянскому населению и почти исключительно женщинам; способ их распространения являлся социально опосредованным – специфические для той или иной местности суеверия усваивались через подражание и самовнушение; их симптомы были подобными в виде припадков, сопровождающихся выкриками, двигательными возбуждениями, иногда падениями. К наиболее существенным факторам возникновения и развития психопатических эпидемий исследователи относили массовые предрассудки и поверья, распространению которых не препятствовал даже довольно высокий уровень грамотности среди крестьян.

EPIDEMICS OF PSYCHOPATHIC DISORDERS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE XIX CENTURY

Panova E.L.¹

¹ *Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation*

Keywords:

history of psychiatry,
klikushestvo, manerik,
meryachenie

Abstract

The article examines the experience of Russian psychiatrists in the study of psychopathic epidemics that spread in the Russian Empire at the late XIX century. Special attention is paid to the description of klikushestvo by N. Krainsky, as well as the hysterical epidemics of manerik and meryachenie in North-Eastern Siberia, studied by A. Tokarsky, S. Mitskevich, N. Kashin and others. These disorders were united by several similar signs: they were peculiar only to the peasant population and almost exclusively to women; the mode of their spread was socially mediated – superstitions specific to a particular locality were assimilated through imitation and auto-suggestion; their symptoms were similar in the form of seizures accompanied by shouting, motor excitements, and sometimes falls. The researchers attributed mass prejudices and beliefs to the most significant factors of psychopathic epidemics' emergence, the spread of which was not hindered even by a high level of literacy among peasants.

Пандемия новой коронавирусной инфекции негативно повлияла на состояние общественно-го здоровья и продолжает провоцировать напряжение национальных систем здравоохранения. Ограничения личной свободы, вызванные необходимостью соблюдения строгих эпидемиологических мер, экономические трудности, страх смерти, возрастающая неопределенность и многие другие последствия пандемии способствуют росту индивидуальных и массовых психопатологических явлений. В связи с этим опыт исследования психопатической эпидемий, полученный российскими психиатрами в конце XIX века, может быть полезен для изучения коллективных психопатологических реакций, вызванных последствиями пандемии коронавируса, а также социопсихологических факторов отношения к ней в массовом сознании, в том числе и его крайних форм – «ковидоистерии» и «ковидоскептицизма».

Научный интерес к массовым психическим расстройствам в России стал возникать в конце XIX века¹. Выдающийся российский невролог и психиатр В.М. Бехтерев отмечал, что психопатические эпидемии отражают, прежде всего, господствующие воззрения, распространенные в различные эпохи в разных местностях среди разных социальных категорий. Широко известная религиозная охота на ведьм, сопровождавшаяся пытками и сожжениями множества людей, принявшая в Европе в XV–XVII вв. значительные масштабы, оценивалась психиатрами XIX в., в том числе и российскими, как психопатическая эпидемия [1, с. 57–66; 2, с. 24–35]. В особый вид судорожных эпидемий Бехтерев выделял разразившуюся в Европе, начиная с 70-х годов XIV в. после разрушительной пандемии «Черной смерти», «манию плясок» – пляску Святого Витта и Святого Иоанна, тарантизм.

В России конца XIX в. были описаны несколько психопатических эпидемий религиозного характера, таких как эпидемия малёванщины в Киевской губернии в 1892–1893 гг. [3], татарская психопатическая эпидемия в Казанской губернии в 1882–1885 гг. [4], супоневская психопатическая эпидемия Орловской губернии в 1898 г. [5, с. 732–758].

Более подробно мы остановимся на описании

распространённых в России второй половины XIX в. эпидемиях кликушества, подробно изученной Н.В. Краинским [2], а также истерических эпидемиях мэнэрика и меряченья, происходивших на территории Северо-Восточной Сибири, описанных в работах А.А. Токарского [6], С.И. Мицкевича [7], Янковского [8, с. 602], Н.Н. Баженова [9, с. 273–277] и других.

Крупный отечественный психиатр Николай Васильевич Краинский (1869–1951) в своей работе «Порча, кликуши и бесноватые как явления народной жизни» (1900) провел глубокий и всесторонний анализ кликушества, на основе изучения поведения кликуш и бесноватых в монастырях и церквях Москвы и Новгородской губернии, а также вспышки так называемой ащепковской эпидемии, возникшей в селе Ащепково Гжатского уезда Смоленской губернии (1889–1899), в ликвидации которой он принимал активное участие.

Николай Краинский подробно описал механизм развития кликушества. Первый припадок этого расстройства в значительном большинстве случаев происходил в церкви. Наиболее типичным его проявлением являлся «крик на голоса», – симптом, от которого кликушество получило свое название. Крики кликуш пронзительно громкие, они напоминали всхлипывание, голоса животных, собачий лай, часто прерывались громким иканием или рвотными звуками. Во многих случаях припадок сопровождался группой двигательных симптомов. Крик, падение и двигательное возбуждение являлись наиболее существенными признаками припадка, продолжительность которого могла быть от 10 минут до 2–3 часов [2, с. 221].

Краинский Н.В. пишет, что кликушество было свойственно только крестьянскому населению и почти исключительно женщинам от 12 лет до глубокой старости. Расследование Н.В. Краинского показало, что несколько женщин, включая ту, с которой началась эпидемия, имитировали припадки. В основном же кликуши действительно страдали и не могли самостоятельно избавиться от навязчивых состояний. Примечательно, что работа Н.В. Краинского с каждой женщиной в отдельности с использованием гипноза приносила хорошие результаты, однако, социальное окружение заболевших ненамеренно провоцировало возникновение новых припадков, поэтому остановить распространение эпидемии удалось только с

¹ Бондарев Н.В. Психические эпидемии конца XIX–начала XX века в Российской Империи // *Universum: Медицина и фармакология: электронный научный журнал.* – 2017. – № 10 (43). – URL: <http://7universum.com/ru/med/archive/item/5176>

привлечением полицейских мер и угрозы госпитализации в психиатрическую клинику.

Краинский Н.В. отмечал, что большое значение для понимания сущности кликушества является то, что в его основе лежит подражание патологического характера. Это подтверждается тем фактом, что кликуша всегда до мельчайших подробностей воспроизводит припадок в той форме, в какой она его видела у других больных [2, с. 227].

Краинский Н.В. был убежден, что кликушество не является болезнью в узком смысле слова. Он называл его бытовым, социальным явлением жизни русского народа, которое основывается на глубоко укоренившемся в народном убеждении суеверии и вере в «порчу» и на религиозных верованиях. Масштаб распространения кликушества в России был огромен. Н.В. Краинский утверждал, что в конце XIX в. в России насчитывались тысячи, а, возможно, даже десятки тысяч кликуш. География распространения этого расстройства охватывала преимущественно Северо-Запад России, однако, оно было распространено и в Московской, Смоленской, Тульской, Курской, Новгородской, Вологодской губерниях, и в Сибири [2, с. 213].

Массовые психопатологические состояния, подобные кликушеству, в конце XIX в. наблюдали российские психиатры в Северо-Восточной Сибири. Выпускник Императорского Московского университета Сергей Иванович Мицкевич (1869–1944) почти шесть лет (1898–1903) провел в ссылке в Колымском крае. Важная особенность свидетельств С.И. Мицкевича заключается в том, что в отличие от своих университетских коллег, изучавших массовые психопатические расстройства на примере встретившихся в их практике нескольких заболевших, С.И. Мицкевич имел возможность погрузиться в образ жизни жителей Колымского края, выучить якутский язык, что позволило ему глубоко изучить проявления истерии среди населения, выявить их распространенность, подробно описать отдельные случаи. Это удалось ему сделать только после двух лет работы окружным врачом, так как местное население стыдилось любых проявлений психопатологических состояний, часто скрывая их.

Мицкевич С.И. описал четыре формы истерии, сохранив их якутские названия: тарымта, ирер, мэнэрик и меряченье (эмиряченье)², две по-

² Оба термина являются верными. Перевод якутского понятия на русский язык привел к образованию нескольких похожих друг на друга терминов. Например, А.А. Токарский использовал понятие «меряченье», С.И. Мицкевич – «эмиряченье».

следние из которых встречались ему и другим исследователям в виде психопатических эпидемий.

Мэнэрик (с якутского «бес», «дьявол»), будучи очень похож на кликушество, тесно связан с первобытными верованиями якутов, с шаманизмом: считалось, что припадок мэнэрика являлся проявлением порчи, поэтому справиться с расстройством мог только священник или шаман, избавив заболевшего от злого духа. Заболевание обычно развивалось у женщин после психической травмы (смерть родственников, развод). Сначала появлялись бессонница, плаксивость, повышенное сердцебиение, головные боли или головокружение. Через несколько дней развивался настоящий припадок, сопровождающийся судорогами, спутанным сознанием, галлюцинациями, выкрикиваниями. Характерным признаком припадка являлось ритмичное пение. Сила и продолжительность такого припадка бывали различны, от одного – двух часов до дня или ночи, причем явления то ослабевали, то усиливались. Припадок мэнэрика обычно повторялся в тот же день или через день, повторяясь потом время от времени, иногда 2–3 раза в год или чаще. С.И. Мицкевич отмечал, что некоторые женщины страдали от этого расстройства в определенное время года, например, весной во время вскрытия реки или же во время летнего солнцестояния, во время заморозков реки и т. д. [7, с. 10–11].

Иногда припадки мэнэрика разрастались до размеров семейных и даже родовых психопатических эпидемий. Одна из них произошла в течение 1899–1900 гг. в Верхне-Колымской части округа, затронув более двухсот человек из племен юкагиров и ламутов. Эпидемия началась с внезапного испуга у нескольких человек, вызвавшего припадки, повторявшиеся у многих каждую ночь, а у некоторых и днем, и ночью. Число больных постоянно увеличивалось. Больные скакали, плясали, пели, бросались в воду, залезали на деревья, бросались друг на друга с ножом. На своем пике эпидемия держалась около 3–4 месяцев; потом припадки возникали реже. Юкагиры были уверены в том, что эпидемия была вызвана порчей, наведенной на них шаманом из тундры. Облегчение больные получали только после причастия, поэтому в деревню несколько раз приглашали священника [7, с. 27–28].

Меряченье было еще одной формой массового психопатологического расстройства в Колым-

ском крае. Первым в 1868 г. этот феномен описал Николай Иванович Кашин (1825–1872), пионер в области изучения краевой паразитологии Восточной Сибири. Через несколько десятилетий после этого о меряченье писали Янковский³, Н.Н. Баженов, Н.И. Мицкевич. Ученик С.С. Корсакова А.А. Токарский (1859–1901) посвятил анализу меряченья как отдельного психопатического феномена свою докторскую диссертацию «Меряченье и болезнь судорожных подергиваний» (1890) [6].

Токарский А.А. определял меряченье как душевную болезнь, «которая характеризуется раздражением словами, жестами и действиями окружающих и неудержимым исполнением данных ими приказаний, причем психическая деятельность в общем остается нормальной» [6, с. 1]. Человек, страдавший от этого расстройства, чаще всего под воздействием испуга, впадал в состояние, в котором вне своей воли начинал подражать окружающим, причем не только людям, но и животным – собакам, скоту и т.д. Во время этого припадка заболевший безоговорочно выполнял приказания окружающих его людей, включая те, которые способны нанести вред ему или его близким – ударить или бросить собственного ребенка, положить себе в рот раскаленный уголь и т.д. Исследователи отмечали, что большинство страдающих от меряченья – женщины, однако, были замечены случаи этого расстройства и среди мужчин.

Мицкевич Н.И. же не относил меряченье к особой болезни, он считал, что это расстройство представляет собой симптомокомплекс, развивающийся на почве истерической конституции [7, с. 29]. Он первым заметил, что необходимым условием развития меряченья является активное воздействие социальной среды. Расстройство всегда развивалось по одному и тому же сценарию: заметив у женщины первые признаки меряченья, ее знакомые и соседи осознанно дразнили ее криками и громкими звуками, провоцируя тем самым еще большее прогрессирование симптомов. Во время таких эпизодов женщина впадала в состояния оглушения, иступления, которые переходили в обмороки и тяжелые истерические припадки, восстановление от которых занимало неделю и больше. При дальнейших повторениях «сеансов запугивания со стороны окружающих, рефлексы

³ На публикацию Янковского во «Враче» [8] ссылались многие исследователи Токарский, Мицкевич, Бехтерев, Баженов и др. Однако ни в их работах, ни в самой работе Янковского нет указания на его имя и отчество. Исследователи пишут о нем как о «докторе Янковском».

при аффекте испуга становились привычными и по мере повторения совершались со все большей легкостью и быстротой и все более выходили из-под контроля сознания [7, с. 32].

Баженов Н.Н. отмечал, что припадкам меряченья бывают подвержены группы людей, поэтому его можно отнести к категории коллективных неврозов или психических расстройств [9]. Эпизоды эпидемии меряченья описали Н.И. Кашин в 1868 г. и Янковский в 1885 г.

Анализируя причины, способствовавшие распространению истерических расстройств и психопатических эпидемий, российские исследователи выделяли несколько групп факторов: образ и условия жизни, уровень грамотности, распространенность суеверий в регионе. Интересно сравнение анализа причин психопатических эпидемий в Колымском крае и описанного Краинским кликушества. Краинский Н.В. отмечал, что распространенность грамотности среди населения Ащепково была довольно широкой, его жители были зажиточными крестьянами с довольно высоким уровнем жизни. Однако это никак не препятствовало распространению и укреплению суеверий о порче и колдовстве среди жителей Ащепково, что позволило Н.В. Краинскому отнести массовые предрасудки и поверья к наиболее существенным факторам возникновения и развития психопатических эпидемий.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) в работе «Внушение и его роль в общественной жизни» отмечал, что психопатический механизм воздействия суеверий связан с внушением, которое он определял как «непосредственное прививание тех или других психических состояний от одного лица к другому» [1, с. 18]. Внушение есть ничто иное, как вторжение в сознание посторонней идеи без прямого непосредственного участия в этом акте личности субъекта, вследствие чего он становится не способным изгнать эту идею из сферы сознания даже при том условии, когда понимает ее нелепость [1, с. 18]. Критическое мышление перестает отбраковывать парадоксальные, нерациональные идеи, и субъект попадает в зависимость от ложного убеждения.

Таким образом, российскими психиатрами Н.В. Краинским, А.А. Токарским, С.И. Мицкевичем, Янковским, Н.И. Кашиним, Н.Н. Баженовым, В.М. Бехтеревым и др. был исследован феномен психопатических эпидемий, распро-

страненных на территории Российской империи во второй половине XIX в. Все эти расстройства объединял ряд схожих признаков: подобие симптомов в виде повторяемых припадков, сопровождающихся выкриками, двигательным возбуждением, иногда падениями; им были подвержены крестьяне, преимущественно женщины; способ их распространения был социально опосредован-

ным. Опыт российских психиатров по изучению массовых психических расстройств на территории нашей страны во второй половине XIX в., на наш взгляд, может быть полезен для специалистов разных профилей, особенно в условиях негативных эффектов, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни / В.М. Бехтерев. – СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1908. – 175 с.
2. Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые, как явления русской народной жизни / Н.В. Краинский. – Новгород: Губ. тип., 1900. – 243 с.
3. Сикорский И.А. Психопатическая эпидемия 1892 года в Киевской губернии / И.А. Сикорский. – Киев: Типолит. ун-та Св. Владимира В.И. Завадского, 1893. – 46 с.
4. Маевский М.М. Случай эпидемического помешательства на религиозной почве / М.М. Маевский. – Казань: Типолит. ун-та, 1897. – 18 с.
5. Якобий П.И. Религиозно-психические эпидемии / П.И. Якобий / Вестник Европы. – 1903. – Октябрь. – С. 732–758.
6. Токарский А.А. Мерячение и болезнь судорожных подергиваний / А.А. Токарский. – М.: Типолит. В. Рихтер, 1893. – 181 с.
7. Мицкевич С.И. Мэнэрик и эмиряченье: Формы истерии в Колымском крае / С.И. Мицкевич. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929. – 53 с.
8. Янковский. Письмо в редакцию // Врач. – 1885. – № 36. – С. 602.
9. Bagenoff N.N. Myriatchénié et Klikouchisme / N.N. Bagenoff // Archives internationale de neurologie (Paris). – 1911. – № 22 (5). – P. 273–277.

REFERENCES

1. Bekhterev V.M. *Vnushenie i ego rol' v obshhestvennoj zhizni* [Suggestion and its role in public life]. St. Petersburg, K.L. Rikker, 1908. 175 p. (in Russian).
2. Krainsky N.V. *Portcha, klikushi i besnovaty'e, kak yavleniya russkoj narodnoj zhizni* [Portcha, klikushy and demons as phenomena of Russian folk life]. Novgorod, Gubern. tip., 1900. 243 p. (in Russian).
3. Sikorsky I.A. *Psikhopaticheskaya ehpidemiya 1892 goda v Kievskoj gubernii* [The psychopathic epidemic of 1892 in the Kiev province]. Kiev, Tipolit. St. Vladimir University, V.I. Zavadsky, 1893. 46 p. (in Russian).
4. Maevsky M.M. *Sluchaj ehpidemicheskogo pomeshatel'stva na religioznoj pochve* [The case of epidemic insanity on religious grounds]. Kazan, Tipolit. Un-ta, 1897. 18 p. (in Russian).
5. Yakobiy P.I. *Religiozno-psikhicheskie ehpidemii. Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 1903, October, pp. 732–758 (in Russian).
6. Tokarsky A.A. *Meryachenie i bolezni sudorozhnykh podergivanij* [Meryachenie and the disease of convulsive twitching]. Moscow, V. Richter, 1893. 181 p. (in Russian).
7. Mitskevich S.I. *Mehnehrik i ehmiryachen'e: Formy isterii v Kolymskom krae* [Manerik and emiryachenye: Forms of hysteria in the Kolyma Region]. Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1929. 53 p. (in Russian).
8. Yankovsky. Letter to the editor. *Vrach* [Doctor], 1885, no 36, p. 602 (in Russian).
9. Bagenoff N.N. Myriatchénié et Klikouchisme. *Archives internationale de neurologie* [International Archive of Neurology], 1911, no. 22 (5), pp. 273–277 (in French).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панова Евгения Львовна – доцент кафедры истории медицины, Российский университет дружбы народов, кандидат философских наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: evepanova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5936-8267
Author ID 875696

AUTHOR

Evgeniya Panova – Docent, Department for the History of Medicine, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Ph.D., Moscow, Russian Federation; e-mail: evepanova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5936-8267
Author ID 875696

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Панова Е.Л. Эпидемии психических расстройств в Российской империи конца XIX века / Е.Л. Панова // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2021. – № 4. – С. 104-109.

FOR CITATION:

Panova E.L. Epidemics of psychopathic disorders in the Russian Empire in the late XIX century. *Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko* [*Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*], 2021, no. 4, pp. 104-109 (in Russian).